

УДК 82-342

Тульская О.С.

Московский государственный областной университет

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК
И.А. ИЛЬИНА**

O. Tulskaia

Moscow State Regional University

LITERARY AND ARTISTIC PECULIARITY OF FAIRY TALES OF I. ILYIN

Аннотация. Автор анализирует сатирический цикл «Невинные сказки» философа и прозаика И.А. Ильина. Философ предстает в статье как глубокий исследователь русского фольклора и культуры России и талантливый писатель, произведения которого свойственны лаконичность, интерес к глубинам национального характера, тонкий юмор и горячая любовь к России. В сказках Ильина чётко прослеживаются традиции легенд, бытовых сказок, святочных рассказов, анекдотов, преломленные в соответствии с особенностями памфлетного стиля. Обращённые в первую очередь к современникам, эти произведения философа и сегодня впечатляют читателей своей свежестью и актуальностью.

Ключевые слова: сатирические сказки, русский фольклор, лаконичность, символическая концентрированность, национальный характер, поэтичность, комизм.

Современные исследователи литературного процесса XX века среди культурных деятелей Русского Зарубежья выделяют И.А. Ильина не только как философа, теоретика искусства и литературоведа, но и как прозаика, наделённого ярким талантом, обладающего своим оригинальным художественным миром. Хотя прежде всего это имя ассоциируется сегодня с понятиями «философия», «политика», «православие», «защита монархии», тем не менее всё чаще можно встретить в книжных магазинах (даже в виде аудиокниг) отдельные издания художественных произведений Ильина. В первую очередь представлены законченные им в последние годы жизни три книги духовно-философской прозы, из которых наиболее популярна «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (1954 г.)

Но вхождение Ивана Ильина в художественную литературу началось, конечно, намного раньше, чем были созданы эти увенчавшие его творчество произведения. Многочисленные политические статьи философа-эмигранта являются замечательным примером публицистики, а литературоведческие сочинения содержат вполне выразительные художественные пассажи. Многолетняя переписка Ильина и И.С. Шмелёва является ярким образцом художественно-эпистолярной прозы; известны некоторые стихотворные опыты Ивана Александровича.

Abstract. The author analyzes a satirical series «Innocent tales» by philosopher and novelist I. Ilyin. The philosopher appears in article as the deep researcher of Russian folklore and culture of Russia and the talented writer, whose works are characterized by brevity, interest to depths of national character, subtle humour and passionate love to Russia. Traditions of legends, fairy tales, Christmas stories, jokes are accurately traced in Ilyin's tales, refracted according to features of pamphlet style. These works of the philosopher are addressed primarily to his contemporaries, but impress readers with their freshness and relevance today.

Key words: satirical fairy tales, Russian folklore, brevity, symbolic concentration, national character, poetry, comedy.

В качестве приложения к «Переписке двух Иванов» опубликованы «Невинные сказки» – цикл из десяти небольших по объёму сатирических зарисовок, объединённых самой важной для всей жизни Ильина темой причин, хода и последствий революции в России. К сказкам и по времени (середина 1930-х годов), и по содержанию примыкает полушутливое «Древнее сказание “Праведный народ”», отличающееся от них, однако, своим трагико-эпическим стилем.

«Невинные сказки» стали для философа как бы пробой пера в начале литературной деятельности. В 1935 году Ильин получил искреннюю и важную для него авторитетную оценку своего писательского таланта от художника-прозаика, к которому философ относился с необычайным интересом и любовью, – от И.С. Шмелёва: «Вы... наделены от Бога даром художника-мастера, острым духовным глазом, горячим сердцем, пламенным словом, богатствами русской речи, потрясающими меня... Вы меня называете поэтом, но Вы-то воистину Поэт-мыслитель, главой уходящий в облака, а ногами ступающий по Вселенной, не только по родной земле...» [3, с. 74].

Сказочные мотивы не случайно появляются в творчестве философа. Мир русских сказок с ранних лет был близок Ивану Александровичу, получившему традиционное образование и воспитание ребёнка из московской дворянской семьи конца XIX века. Через много лет, уже будучи изгнанным из России, напечатав множество статей и книг, в совершенстве владея русской речью и несколькими иностранными языками, Ильин многократно возвращался к сказкам в ходе подготовки к бесчисленным лекциям 1920-1930-х годов. Они были прочитаны с целью как можно полнее раскрыть перед жителями Германии, Франции и других стран Европы культурный мир России, показать, «как русская душа выражает себя в художественном творчестве».

Естественно, для выполнения этой задачи оратору понадобилось глубокое изучение

русского фольклора и классической художественной литературы. Чтобы лучше донести до иностранных слушателей и читателей «аромат» родной речи, Ильин взял на себя смелость сделать перевод некоторых русских сказок и стихотворений на немецкий язык. Для этого потребовалось буквально «пропустить через свою душу» каждое слово оригинала. Соприкасаясь все глубже со стихией нашей литературы и испытывая сердечную боль за судьбу России, И.А. Ильин пришёл к естественному для него вступлению на писательскую стезю.

Прежде чем начать подробно говорить об авторских сказках И.А. Ильина, об их художественном мире, остановимся на его статьях «Духовный смысл сказки» и «Русская душа в своих сказках и легендах». Это важно особенно потому, что многие качества русских сказок и легенд, о которых Ильин рассказывает аудитории, отразились в его творческом опыте «сказочника».

Народные сказки привлекают его своей поэтичностью и глубиной. Философ сам становится немного поэтом, когда говорит о них: сказка – «как полевой цветок, который сам обсеется, сам укоренится, сам листочки выгонит и чашечку развернёт, Божьим солнышком угрет, Божьим дождичком полит, Божьей птичкой опет, Божьей пчёлке мёд свой отдаст» [1, с. 260].

Ильин много пишет о лаконичности, символической концентрированности сказок, об их сосредоточенности на основных вопросах бытия человека (о добре и зле, о счастье, о судьбе и т. д.), их великой скромности и неприязнительности, о «храбрости сказки быть глупой» [1, с. 261]. Но самое главное – обнаруживает в сказке многие глубины национального характера. «Душа народа высказывает в сказке свои заветные думы, чаяния, упования, мечты; здесь и невыплаканные слёзы, и неисполненные желания, и прозорливость, и интуиция совести – всё собрано, всё образно отражено...» [2, с. 38].

Ильин считает, что сказка – явление дохристианское. Он пишет, что в то же время

в ней «тянется доброе сердце народа из суевренно-языческих рамок времени к христианству» [2, с. 43]. Там же, где возникает вера и надежда на Спасителя, уже перед нами не сказка, а легенда или предание, пишет он. Это мнение может быть отнесено и к авторским сказкам самого Ильина.

О том, какое важное место в истории народа занимают произведения фольклора, писал Ю.И. Сохряков в своей монографии: «По мнению Ильина, сказка – это первая, дорелигиозная философия народа <...>, изложенная в свободных мифических образах и художественной форме <...> Призвание сказки Ильин видит в том, что она способна укреплять человека, утешать его и умудрять...» [6, с. 85, 77].

Делая переводы на европейские языки произведений русского народного творчества, Иван Александрович иногда снабжал их своими оригинальными комментариями. Так, к истории о царевне Несмеяне, которую, даже не желая того, рассмешил простак-работник, он добавил: «Отчего ж не смеялась царевна? Какая печаль сердцем её овладела? Не смеялась она оттого, что была охвачена мировой скорбью; она зрела и чуяла злую стихию мира, видела дисгармонию человека с природой, догадывалась о трагической судьбе добра на земле – и ничто не могло её утешить и обрадовать. И вдруг приходит праведник и одним своим присутствием... доказывает, что зло не всемогуще, что добрые дела следуют за праведником по пятам, что он находится в таинственной связи с природой, что судьба добра на земле, хотя и трудна и даже трагична порой, всегда трогательна, всегда поучительна. Царевна узрела, ухватила эту божественную гармонию мира, и радость восторжествовала: царевна рассмеялась. Сказочка скрывает этот драгоценный глубинный смысл под налётом лёгкого, светлого комизма, не решаясь высказать заложенную в ней мудрость напрямик» [2, с. 50-51].

Имея такое трепетное отношение к народной сказке, роднящее его со многими русскими писателями, в первую очередь с горячо

любимым и высоко ценимым им А.С. Пушкиным (которого он называет «солнечный центр нашей истории»), Ильин со временем приходит к мысли облечь свою боль о родине в форму устоявшегося фольклорного жанра.

Десять небольших публицистических произведений, названных «Невинные сказки», были в большинстве опубликованы уже после смерти автора. Эти сказки имеют резкий, часто даже памфлетный, явно сатирический характер. Часть из них («Парнишка и чёрт», «Гений», «Как Обалдуй Россию спасал», «Неуместная шишка») направлены против конкретных личностей и по стилю во многом напоминают «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако при внешнем сходстве острие сатиры здесь направлено прямо в противоположную сторону. Если гротеск Щедрина, всецело проникнутый «революционно-демократическим мировоззрением автора», служил безраздельно будущему разрушению самодержавия, то Ильин показывает всю подлинную омерзительность разрушителей разных уровней и разного происхождения. Становится очевидным, что и неприкаянный парнишка из простых, и играющие в революцию интеллигент и дворянин, и иностранный «радетель» сокрушают не только власть, но и само живое тело и душу России.

По форме большинство сказок Ильина напоминают пространные исторические анекдоты, не случайно персонажи носят здесь «говорящие» фамилии: Гадюкин, Гутнидов, Шушуришер, Блудомович, Белибердяев, Бурчеев. Исследователи творчества Салтыкова-Щедрина отмечают и в его произведениях важную роль подобного приёма. Например, И.Б. Павлова выделяет среди героев писателя целую группу схожих персонажей: «...буржуазные хищники, наделённые писателем «говорящими» фамилиями, Дерунов, Разуваев, Колупаев и др., которых отличает страсть к стяжательству, алчность, неразборчивость в средствах, аморализм, глубокое невежество, отсутствие гражданских чувств» [5, с. 141].

Сатирические портреты, явные и скрытые политические ассоциации, переданные

живым разговорным языком, напоминают также русские бытовые сказки, часто очень едкие и нелюбезные. Отсюда и множество шуточных неологизмов в духе Лескова: «мордосозерцание», «обалдадетельствую», «куманисты», «клеветонщик».

Основная направленность ильинского сарказма на протяжении всего цикла – попытки различных деятелей исказить истину. Андерсеновское зеркало из «Снежной королевы» вспоминается при чтении строк сказки «Гений»: «Замечательный был журнал. О чём бы в нем ни писалось, всё выходило наоборот. Добро смахивало на зло, а зло на добро. Где все хорошие люди стесняются или прямо стыдятся, там выходит, что и стыдиться нечего... Иуда Предатель выходил в русские национальные святыне, Сергей Радонежский – в толстовцы, Распутин – в мудрецы и праведники. Государство строить – грех, народ свой защищать – позор, армию обучать – дело сатаны. Белое выходило чёрным ... красное – прекрасным, прекрасное – опасным» [4, с. 449]. Самое озорчатое для Ильина в политической жизни на период создания сказок – то, что многие люди в среде эмигрантов перестали «отличать соввласть от русского национального правительства» [4, с. 459]. Он буквально обрушивает всю силу своего остроумия на тех, кто насаждает эту точку зрения, в то время как сам Ильин четко ощущает опасность такого «размывания границ» и пытается предостеречь от него читателей: «Когда Белибердяев объявил, что коммунизм есть дело любви и свободы и что революция творит дело Божие, – из Москвы ему прислали звание заслуженного соревнователя и приглашение вернуться в Совдепию... Ну, в Москву он тоже, конечно, не поехал: дело любви и свободы издали виднее, детали не заслоняют» [4, с. 448].

Очень актуально сегодня звучит сказка «Как Обалдуй Россию спасал». Главный герой её не видит иного способа помочь России, как всю её «в опеку отдать и по соседям расписать. Кому клин, кому стан, кому полный сарафан» [4, с. 451]. При этом Обалдую

никакого дела нет, собственно, до её судьбы: «Одни говорят, что Россия распадётся. Ну да, распадётся! Чего же тут страшного? Пускай себе распадается... Другие боятся, что Россия вовсе погибнет... Ну да, погибнет! Тут тоже бояться нечего...» [4, с. 452]. «Решили мы жить по-новому и разорваться по всем швам. Берите. Всё берите. Крым – ваш. И Кавказ – тоже ваш. ... Начинается новая эра – Обалдуй Великого...» [4, с. 452].

Когда Ильин писал сказку «В дураки», о том, как «восточный человек Ибрагим Кавказыч» заманивает русских простаков под вывеску «здесь обигрывают дураки карту», он, возможно, размышлял о причинах захвата власти в России людьми иных национальностей и глубоко чуждой ей идеологии. Но в наше время этот сон, увиденный рассказчиком, задремавшим «на лавочке в Женеве как раз напротив Лиги Наций», воспринимается несколько иначе. До боли современно звучат откровения «восточного человека неизвестной нации»: «Ты антирес свой панымаешь? Не панымаешь! Я тэбэ абисню. Ты без мэне кто таков? Ишак иврапэйский. Подходы, клады заклад» [4, с. 445].

В этой сказке-анекдоте Ильин показывает себя мастером лаконичного сатирического портрета. Вот желающие «проиграться»: «крепко пьяный Сёмка в немецкой кепке», «купец в американском цилиндре», «рабочий в итальянской чёрной рубашке», «толстая купчиха в аглицком пальто» [4, с. 445-446]. Прямо-таки весь мир собрался у будки шарлатана, люди убеждают друг друга, вдруг начав тоже безудержно врать, что здесь можно «капиталы поправить». Вот карикатурный портрет самого «восточного человека», наглого и самоуверенного, совершенно непроницаемого для всяких попыток его разоблачить: «Лоб в полвершка. Волосы щёткой, глазки маленькие, свиные. Морда бритая, усы книзу» [4, с. 445].

Автор блестяще передаёт стихию ярмарочного безудержа через просторечные диалогии, на которых построена вся эта история: « – А пробали с ним хлястаться-то?

– Нет, не пробали... Чаво хлястаться? Знамо обжулит...

– А може и не обжулит? Не пробал, так не говори...» [4, с. 444].

В двух из «Невинных сказок» Ильин создаёт как бы две модели дальнейшего развития событий в некоей стране, где произошла, как он это иронически называет, «великая и бескровная». В сказке «Вонючая гора» революция символически предстаёт перед читателями как неожиданно появившийся на скрещенье больших дорог зловонный холм, мерзкий запах от которого стал разноситься на весь мир – «планетарно».

«Вылезла гора и утвердилась – вроде государства; во все стороны оцетинилась, снизу шипит, а наверху клокочет. Ближние соседи носы зажали; а с тремя англичанками даже дурно сделалось, – грогом отпаивали» [4, с. 434].

Как и в народных сказках, зло стремится подчинить себе весь мир: «Утвердилась гора и стала свои запахи по всем ветрам распускать; полетели гнойные пылинки, начали оседать, а где осядут, там сейчас же тоже вонючая горка делается... Беда, да и только: дороги перегорожены, ни пройти не проехать, ни товары провезти; и подойти противно, и дома сидеть беспокойно...» [4, с. 434]. Никакие попытки уничтожить эту гору не приводят к успеху. Наоборот, появляются оригинальные идеи: «это новая замечательная альпа поделалась, и мы должны на неё взобраться и вид посмотреть; может быть, нам от этого новые идеалы откроются. И начали лазить» [4, с. 435]. Плачевный результат не замедлил явиться: путешественники, побывавшие на горе, «все упачкались, да так и расхаживали ... были и такие, что после... всю жизнь только шептались и подмигивали во все стороны; и такие, что всамделе новые идеалы проповедывать стали, – надо де «всё отринуть» и «измараться» и через «всеобщую грязь и вонь настанет обновление жизни» [4, с. 435]. Дальнейшее развитие событий и вовсе неожиданное: «надумали соседи друг друга вонючей горой стращать», обращаться к ней

за помощью и даже ... молиться на неё! «Все повзбесились, всем гной в голову вступил» [4, с. 435]. В момент полного торжества горы она обнажает свою до того скрытую сущность – с грохотом взрывается, тысячи злых духов и огонь разлетаются по земле, «пришёл час сатаны: закрутил чёрный ураган». Но вслед за этим приходит и избавление: из жерла нового жуткого вулкана вдруг появляются трое самых простых «обувателей», «в обмотках истлевших», которых, казалось бы, давно и безнадежно засосала гора. Они появляются с руками, сложенными для крестного знамения и с громким возгласом: «Оборони, Господи, Расею нашу силою Духа Твоего!» «И только сказали – прокатился гром Господень и полил на землю невиданный дождь кровавый; и залил он гору вонючую и сравнял её с землёю... И очистилась вселенная от гною и смрада молитвою трех обувателей» [4, с. 436].

Другой, противоположный вариант исхода революции И.А. Ильин предлагает в сказании «Пылесос» (с подзаголовком «Монастырская легенда из эпохи большевизма»). Если предыдущая сказка по своему языку напоминает простонародную байку, то здесь всё строже и страшнее. В небольшом городке на соборной площади в глухую ночь появляется некий странный «серый человек» с бездонным мешком. Из него он извлекает «невиданную машину» с «пятиугольным красным немигающим глазом на конце» длинного хобота. Шепча «невнятные заклинания» с масонской символикой, он обводит воющим аппаратом весь город и исчезает. Последние слова заклинания: «...властны мы... наша риза ... царство ярости и тьмы» [4, с. 436-437]. Наутро в городе начинается полный развал.

Картину обезумевшего города Ильин передаёт короткими отрывистыми фразами: «Никто не шёл на работу. Никто не думал о делах, о службе, о детях. Все хотели всего и открыто высказывали свои желания... То и дело впадали в ярость, поносили друг друга и громко кощунствовали. Громили дома и волокли всё, что нравилось. Вспыхивали дикие

драки... К вечеру всюду валялись раненые и убитые... Ночью завязались кровавые побоища» [4, с. 437]. Через три дня город погибает, он «полон трупов, и ветер разносит пламя и смрад» [4, с. 438]. Не нашлось в нём даже трёх молящихся «обувателей», и судьба города безнадежна. Тем более это грустно, что всё действие «легенды» разворачивается вокруг большого собора в центре города.

Близки друг к другу и в то же время во многом противоположны сказки «Жертвенная овца» и «Медведица». С одной стороны, здесь появляются образы животных, под которыми подразумеваются люди, как это нередко бывает в литературных и народных сказках и баснях. С другой, первая из названных сказок рассказана с определённой долей теплоты и иронии, вторая же ближе всего к фольклорным «страшным рассказам». Лишь изредка в «Медведице» блеснут искры мрачного юмора.

Сказка «Жертвенная овца» даже начинается по-фольклорному: «Жила-была овца, добрая-предобрая» [4, с. 438]. Так же, как в других сказках и баснях, она подвергается опасности растерзания со стороны серого хищника-волка. По вине хозяйина овцы, Ивана Шалого, волк получает беспрепятственный доступ к овце и её ягнятам. Это совсем не тот Иванушка-дурачок, добрый и непрактичный праведник, побеждающий зло и веселящий царевну Несмеяну! Лаконичный и саркастический портрет Шалого больше всего напоминает пародию на действия Советской власти с её пятилетками: «А Шалый и был шалый: добра не берёт, скота не стереёт, всё проматывал и пустые выдумки выдумывал. «Я, – говорит, – человек с планом: вот начну шубу выворачивать и опять вворачивать, пока три шубы сразу не сделается, тогда – на ярманку, продавать» ... Уж соседи над ним смеялись: твои, дескать, планы одни обманы да изъяны; а тот хорохорится: «я вам в обиду не дамся, у меня, может быть, за овином сто пулемётов закопано ... хотел котят на шубы разводить и глиняную посуду в черепки бил, чтобы будущим котяткам из чего

хлепать было...» [4, с. 438]. За этими занятиями он и не заметил, как в огромную щель в обветшавшем сарае проник волк и собрался напасть на овцу.

Если продолжать аналогию, можно предположить, что под волком с его шипением «низшая порода» подразумевается Гитлер, который начал уже своё страшное шествие по Европе в период написания автором «Невинных сказок». Философ пророчески своим чутким сердцем и трезвым умом ощущает, чем могут кончиться заигрывания с фашистами наивных русских людей, эмигрантов, надеющихся с помощью Гитлера победить коммунистов, граждан Советского Союза, поверивших в прочность договора о ненападении. Таких обольщённых писатель уподобляет овце. Она ведёт глупую и опасную беседу с хищным волком: «Заключимте с вами общественный договор. Не ешьте меня всю. Скушайте только утробу мою; она у меня сладкая и млекоточивая. Жертвую её вам для спасения семейства моего... А меня остальную и ягняточек моих отпустите на свободу!» И слышит в ответ: «Я, – говорит (волк), – вообще без согласия ем. И утробу можно. И мозжечок хорошо. А насчёт ягнят видно будет» [4, с. 439].

И только с помощью соседей, которые сбежали и прогнали волка, жертвенная овца спаслась.

Интересно, что, несмотря на всю глупость и непрактичность овечьих речей, Ильин почти с нежностью говорит про неё, может быть, потому что она во многом представляется ему образом запутавшегося народа России. В начале сказки (пожалуй, это единственное такое лирическое место во всём цикле) автор с теплотой повествует о «жертвенном» животном: «И послал ей Бог пару ягнят, – тёплых, ласковых, гладеньких. Забота с ними! то облизни, то покорми, то утрей; отоспятся и сейчас опять лизать надо; только оближешь, опять сосать тычутся. И хлопотно, и сладко. Так и жила – за детей трепетала» [4, с. 438].

В «Медведице» эмоциональное напряжение сказочного цикла достигает своей

кульминации. Здесь также наибольшая концентрация событий — первый абзац повествования содержит в свернутом виде двухсотлетний период русской истории: от Петра I, который «принял» эту огромную и грозную медведицу «на рогатину у Ладожского озера» — до Николая I, который повелел из шкуры сделать чучело и поставить в спальне Зимнего дворца, — и далее: «Слышала она страшный взрыв в столовой дворца. Видела царя-мученика, умирающего в крови. Видела сына его, и внука, и правнука... Всё видела и слышала. Но ТАКОГО ещё не видала...» [4, с. 460].

Ильин делает огромную медведицу как бы мифическим чудовищем и свидетелем революции, несмотря на то что для всех вокруг она «просто чучело». Это даёт писателю возможность показать её глазами целую цепочку шаржей на глубоко омерзительных для него людей: предполагается, что читатель сам догадается, кто такие «бледный франт, челюсть вперёд, усы кверху» и другой «крикун дёрганый». Появляются во дворце «толстый, круглоносый, в чёрной куртке»; «плюгавый парикмахер с козлиной бородкой у злобного рта», «тупомордый Клим» и «хитрый грузин» [4, с. 461]. Более того, уже ожившая, но ещё стоящая на своём месте и не подающая признаков жизни медведица читает во взгляде «злых щёлок самозванного грузина» все планы дальнейшего развития событий: «и растленные помыслы о России; и кровавые, жадные замыслы его о других странах. О том, как русского мужика подорвать и в бараний рог согнуть; как из русских рабочих последние соки выжать; как красноармейца одурачить, как бывшего русского барина до конца раздавить; как истребить православного священника; а над тайной полицией сверхтайную сверхполицию учредить; и как всех непослушных коммунистов на колени поставить и в подвалах прикончить» [4, с. 462].

Не менее страшно то, что видела медведица своими глазами. Весь ужас революционных событий вмещается у Ильина в предельно сжатый текст, максимально насыщенный событиями и выразительный: «Слышала она

здесь допросы с пристрастием, с картавым визгом, с пистолетной стрельбой. Видела заседания и попойки. Слышала мерный стук и глухие выстрелы. ... Видела она и героев, и робких; и трусов, и предателей; и злодейство безмерное, и Архипастыря на допросе. Всё видела и слышала. И грозно молчала» [4, с. 461].

Медведица оживает не когда-либо, а именно в тот день, «когда православные люди про себя Рождество Христово справляли» [4, с. 462]. Тем самым повествование парадоксальным образом превращается в подобие святочного рассказа. Этот жанр, со своими строго определёнными условностями, которые не препятствовали бесконечному многообразию сюжетов, был на долгое время забыт в России после революции, а до переворота пользовался большой популярностью. В наше время он возрождается. Признаки этого жанра: чудесность события, которое, как правило, происходит в святочные дни, торжество справедливости с Божьей помощью в финале — присутствуют в ильинской сказке.

Было бы ошибкой считать, что, изображая, как неуловимый зверь с жутким рычанием обезглавливает одного за другим большевистских начальников, вплоть до «ненавистного грузина» — злобные мечтания автора или призыв к террору.

Медведица скорее символизирует неотвратимость возмездия за преступления, а также тот тёмный страх, который неотступно преследовал деятелей революции, не давая им насладиться в полной мере своей властью и заставляя уничтожать друг друга. В конечном итоге революция обречена — читатель это понимает по самой логике событий практически во всех ильинских сказочных повествованиях.

Можно сказать, что в сказках в полной мере проявилась уникальная и всецелая сосредоточенность Ильина-философа, Ильина-оратора, Ильина — публициста и писателя на судьбе России. Для него как будто ничего в мире больше не имело значения; жить и творить в любых крайне аскетических условиях во имя спасения Родины был его единственный способ существования.

Писательский талант и своеобразный склад ума Ильина, многообразное чувство юмора и умение с поистине афористической точностью и порой шокирующей читателя категоричностью выражать свои мысли, глубокое знание «изнутри» наследия русской культуры, подлинная духовность сделали сказки изгнанного из России мыслителя замечательной страницей в истории русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 2: О России; Русские писатели. Литература. Театр. Музыка. – М.: Русская книга, 1996. – 672 с.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 3: О России и русской душе. Гении России. – М.: Русская книга, 1997. – 560 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 кн. – Доп. т. к собр. соч.: в 10 т. – [Доп. Т. 4], кн. 2: 1935-1946. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 кн. – Доп. т. к собр. соч.: в 10 т. – [Доп. Т. 5], кн. 3: 1947-1950. – М.: Русская книга, 2000. – 528 с.
5. Павлова И.Б. Салтыков-Щедрин и его современники в поисках блага народа // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская литература». – 2011. – № 4. – С. 136-142.
6. Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 252 с.